

Посвящается всем Аннам

Я хочу продолжать жить и после смерти!

Дневник Анны Франк

5 апреля 1944 г.

ПУСТОШЬ

Мы думали, что видели все.
А потом увидели Берген-Бельзен.

Дж. У. Триндлс
«А потом увидели Берген-Бельзен»
1945 г.

1945

Концентрационный лагерь
БЕРГЕН-БЕЛЬЗЕН
Малый женский лагерь
Люнебургская пустошь

ТРЕТИЙ РЕЙХ

Она лежит распростертая среди мертвецов, усеявших мерзлую грязь; мысли ее угасают. То, что в ней осталось, постепенно покидает ее, а над головами сужает круги ангел смерти: ближе, ближе. Теперь он совсем рядом — она чувствует, как он слой за слоем отделяет от нее жизнь. Тело сжигает лихорадка, его раздирает убийственный кашель; в ней теперь больше от зверя, чем от человека. Жуткого холода, проникшего до костей, она уже не чувствует. Как не чувствует голода и жажды. Все это осталось в ее прошлом теле.

Но откуда-то доносится громкий хлопок — кто-то выстрелил из винтовки или пистолета,

и на какой-то миг ей кажется, что тьма вокруг отступает. Вместо того чтобы поглотить ее последний вздох, смерть отвлекается на звук выстрела — и по рассеяности минует ее. В эту долю секунды прежний мир преобразается: та девочка, которая еще жила в ней, в последний раз хватается за жизнь. Робко стукнуло, сократилось сердце. Раз. Другой. Третий. И вот оно уже стучит ритмично. Она все еще раздражается кашлем — но откуда-то взялся пульс. Прилив жизненных сил. Вот она осторожно вдыхает — и выдыхает. Медленно, очень медленно размыкает слипшиеся ресницы — снежная белизна начинает резать глаза.

Она жива.

ЕДИНСТВЕННЫЙ, КОМУ МОЖНО ДОВЕРИТЬСЯ

Для девочки вроде меня такое непривычное чувство — вести дневник! И не только потому, что я раньше никогда не писала. Мне кажется, что позже ни мне самой, ни кому-нибудь другому не будут интересны признания тринадцатилетней школьницы.

*Дневник Анны Франк
20 июня 1942 г.*

...теперь все голландские евреи у нас в кармане.

*Доктор Ханс Бём,
уполномоченный по делам рейха
в Амстердаме.
2 октября 1941 г.*

1942

Мерведеплейн, 37

Амстердам — Юг

ОККУПИРОВАННЫЕ НИДЕРЛАНДЫ

Два года с начала оккупации

Опершись локтями на подоконник, Анна смотрит в открытое окно своей квартиры на третьем этаже дома на Мерведеплейн. Солнце покачивается, точно в люльке, в пронзительно-синем небе. Двор порос роскошной зеленой травой. Внизу из здания магистрата выходит нарядная свадебная процессия, и Анна поглощена зрелищем: мало что ее интересует так, как мода. На невесте — отлично скроенный костюм с зауженной книзу юбкой и фетровая шляпа. Словом, стиль военного времени: нарядный и элегантный, но без рюшей. В ее руках — пышный букет белых роз. Люди с балконов подглядывают за тем, как пара спускается по лестнице, позируя фотографам точно кинозвезды.

— Анна, отойди, пожалуйста, от окна! — зовет мать. Не желая шевелиться, она кричит через плечо: «Можно еще минутку?» И воображает, что в один прекрасный день тоже будет позировать перед камерами кинозвездой. Вроде Греты Гарбо или Присциллы Лейн. Она любит кино и актрис: больше всего в оккупации Анну бесит то, что нацисты додумались запретить евреям ходить в кино. Хотя после войны — кто знает? Может, она станет второй Дороты Ламур и фотографы будут ходить за ней по пятам.

Мать начинает терять терпение и говорит в своей монотонной манере: «Ты должна накрывать на стол к обеду. И вообще — женщине не подобает высовывать голову из окна, как любопытной жирафе». Хотя сама не удерживается от того, чтобы по-жирафьи высунуть шею и слегка вздохнуть. «Когда я выходила за твоего отца, на мне было платье из белого шелка с длинным-длинным шлейфом, — напоминает она себе. — Отделанное тончайшим кружевом, специально привезенным из Бельгии».

— Я не собираюсь замуж! — тут же решает сообщить Анна; искренне пораженная мать хлопает ресницами. На самом деле Анна лишь только хотела показать свое раздражение и поддеть мать посильнее. Но та поражена столь сильно, будто Анна пригрозила выпрыгнуть из окна.